

ГЛАВА 9. ПЕРВЫЙ ЭКЗОРЦИЗМ

— Готово!

Цзун Ванчуань нанес последний штрих и с удовлетворением окинул взглядом магический круг, начертанный на полу.

— И эта штука... она правда защитит меня и мою семью? — с надеждой спросил Кан Шэнцзя.

— Разумеется, нет, — небрежно бросил детектив, даже не взглянув на него. Повернувшись к Инь Цайхуа, он спросил: — Где живая курица?

— Курица? Сейчас!

Инь Цайхуа торопливо распахнула кладовую и вынесла припрятанную там птицу. Цзун Ванчуань прикинул вес черной курицы на руке и разочарованно хмыкнул:

— Будь это живая овца, эффект был бы куда мощнее. Жаль.

— Простите, виноват, искренне прошу прощения... — затараторил Кан Шэнцзя, рассыпаясь в извинениях.

Инь Цайхуа, едва сдерживая дрожь в голосе, спросила:

— Мне... принести нож из кухни?

— Не нужно.

Цзун Ванчуань извлек из кармана плаща длинный предмет, завернутый в газету. Развернув сверток, он явил миру нож, целиком выточенный из обсидиана. Его рукоять и лезвие покрывали письмена, непонятные простому смертному.

Сжимая в левой руке черную курицу, а в правой — обсидиановый нож, он ступил в магический круг. Инь Цайхуа инстинктивно попятилась, желая скрыться, но детектив остановил её:

— Вы — единственный взрослый в этом доме, кто видел призрака в лицо. Мне понадобится ваша помощь.

— Моя?! Но чем... чем я могу помочь? — Женщина побледнела.

Цзун Ванчуань посмотрел на неё, и он вкрадчиво, почти гипнотически усмехнулся:

— Входите. Становитесь прямо предо мной.

— Да иди же скорее! — поторопил её Кан Шэнцзя.

Стиснув зубы, Инь Цайхуа переступила границу странных символов и замерла перед Цзун Ванчуанем. Тот на мгновение вскинул взгляд к потолку, а затем холодно приказал:

— На колени.

— Что? — Инь Цайхуа опешила, но прежде чем успела возразить, её тело само подчинилось воле детектива. Она опустилась на пол, выпрямив спину и не сводя глаз с подбородка Цзун Ванчуаня.

В гостиной сгустилась таинственная, давящая атмосфера. Цзун Ванчуань бросил взгляд на застывшего в стороне хозяина дома:

— Вы — выйдите.

— Выйти? Но куда? — растерянно огляделся Кан Шэнцзя.

— В спальню, в кабинет — куда угодно, лишь бы не в гостиной.

— Хорошо! Да, конечно!

Кан Шэнцзя послушно засеменил прочь. Он и сам не понимал, почему так безропотно подчиняется этому юнцу. В душе поднялся безотчетный трепет, словно перед ним стоял не частный детектив, а некое священное, величественное существо, на которое грешно даже поднять взор.

Дождавшись, пока Кан Шэнцзя закроет дверь, Цзун Ванчуань начал читать заклинание. Воздух в комнате стал тяжелым, вязким; каждое сорвавшееся с языка слово отзывалось ледяным порывом ветра. К тому моменту, как он закончил, глаза детектива подернулись белесой дымкой, а в гостиной стало холодно, точно в леднике.

Цзун Ванчуань взмахнул обсидиановым ножом и одним четким движением отсек курице голову. Брызнула кровь. Отбросив тушку, он опустился на одно колено и, обмакнув пальцы в теплую кровь, начертал на лбу Инь Цайхуа символ Света.

Пока кровь стекала по бровям женщины, он обмотал Розарий вокруг кисти и прижал ладонь к

её лбу.

— &**%3@!~!@#;{ {%#[]!

В тот же миг магический круг вспыхнул!

В потоке ослепительного жара Цзун Ванчуань вновь почувствовал подступающую к горлу дурноту. Ему казалось, что заклятье вырывает саму душу из его тела. Одновременно с этим в его сознание хлынули образы: всё, что Инь Цайхуа видела, слышала и чувствовала в ту роковую ночь.

***

— Кха... ох!

Цзун Ванчуань, содрогаясь всем телом, припал к полу. Его мучили позывы к рвоте — ощущение чужой ауры было противнее промывания желудка, и к этому невозможно было привыкнуть, сколько ни повторяй.

Инь Цайхуа тоже очнулась от транса. Будучи лишь посредником в ритуале, она совершенно не понимала, что произошло. Увидев, как прекрасный детектив корчится на полу, она бросилась к нему:

— Господин Цзун! Вам плохо? С вами всё в порядке?

— Просто не завтракал... сахар в крови упал, — бросил он первую попавшуюся отговорку и, достав конфету от курения, отправил её в рот.

Ничтожная доля серебряного порошка усмирила бурю внутри, тошнота начала отступать. Опираясь на диван, Цзун Ванчуань поднялся и окликнул притаившегося в кабинете Кан Шэнцзя:

— Можете выходить.

Кан Шэнцзя выскочил в гостиную, нервно потирая руки:

— Господин Цзун, умоляю, скажите, что происходит в моем доме...

Ванчуань не спешил с ответом. Он обернулся к Инь Цайхуа:

— В холодильнике есть еда? Я чертовски голоден.

— Что вы любите? Я сейчас же что-нибудь приготовлю!

— Что угодно, — Цзун Ванчуань с трудом опустился на диван. — Сейчас я готов съесть целого быка.

— Я разогрею вам жареный рис.

Инь Цайхуа упорхнула на кухню. Вскоре она вернулась с порцией горячего риса, украшенного двумя глазуньями с жидким желтком, и с обожанием подала тарелку детективу. Он принял подношение, проглотил пару ложек и невольно поморщился от брезгливости.

— Что-то не так? Рис не по вкусу? — встревожилась женщина.

— Appetit пропал, — он отставил тарелку на стол и обратился к Кан Шэнцзя: — Кроме бывшего мужа вашей супруги, у вас есть другие враги?

— Враги? — Кан Шэнцзя задумался. — Мои конкуренты в бизнесе — люди приличные. Они бы не опустились до того, чтобы насыпать на мою семью мелких бесов.

— Не будьте так уверены. Чужая душа — потемки, — Цзун Ванчуань смерил его многозначительным взглядом.

Кан Шэнцзя почувствовал, как по спине пробежал холодок, и поспешил сменить тему. Он потянул за воротник рубашки:

— Кондиционер сломался? Воздух какой-то спертый.

— Хозяин, вы же сами велели мне заклеить все окна и двери скотчем по приказу господина Цзуна, — обиженно напомнила Инь Цайхуа.

Цзун Ванчуань кивнул ей:

— Ритуал окончен. Можете срывать ленты и открывать окна.

Пока женщина хлопотала у окон, Кан Шэнцзя подался вперед:

— Господин Цзун, что вы... увидели там?

— Нечто куда более хлопотное, чем я ожидал, — детектив прикурил сигарету и, выпустив облако дыма, добавил: — Ситуация в вашем доме сложнее, чем казалось на первый взгляд.

— И что нам делать?

Цзун Ванчуань усмехнулся:

— Я сделаю всё, что в моих силах. Но успех зависит от того...

— Просто скажите, сколько! Сколько это будет стоить?! — нетерпеливо перебил его Кан Шэнцзя.

Цзун Ванчуань покачал головой:

— Дело не в деньгах. Дело в...

— Хозяин! Звонят из больницы, это хозяйка! — Инь Цайхуа внезапно появилась с телефонной трубкой в руках, бесцеремонно прервав их разговор.

— Просту прощения, я должен ответить, — извинился Кан Шэнцзя.

— Неважно. Как раз успею докурить.

Цзун Ванчуань откинулся на спинку дивана, меланхолично выдувая кольца дыма. Кан Шэнцзя ушел на балкон. Его голос звучал приглушенно, лицо то бледнело, то багровело, и он время от времени украдкой оглядывался на сидящего в гостинной детектива.

Через пять минут он вернулся, вид у него был вконец подавленный.

— Господин Цзун, мне нужно срочно ехать. В больнице беда.

— Сяо Лин? — коротко спросил он.

Кан Шэнцзя тяжело вздохнул:

— Да. Она совсем не в себе. Десять минут назад, пока медсестра отвернулась, пыталась выпрыгнуть из окна! Боже, я просто...

— Ребенок важнее. Езжайте.

Цзун Ванчуань ободряюще похлопал его по плечу и вместе с ним спустился вниз.

***

У ворот жилого комплекса «Жемчужина».

Едва проводив охваченного паникой Кан Шэнцзя, Цзун Ванчуань уловил знакомый аромат. Запах Сяо Мина. Он поднял голову и увидел на противоположной стороне улицы вызывающе яркую красную спортивную машину.

На водительском сиденье, разодетый как павлин, Сяо Мин отчаянно махал ему рукой:

— Сюда! Сюда, милый!

Ярость мгновенно вспыхнула в груди Цзун Ванчуаня. Он быстрым шагом подошел к машине и, чеканя каждое слово, спросил:

— Ты что здесь забыл?

— Привез тебе обед! — Сяо Мин с видом триумфатора извлек трехъярусный термоконтейнер. — Дорогой, ты вчера лег в три часа ночи, а сегодня и семи не было, как ушел из дома. Это твой «завтрак с любовью» — всё, как ты любишь: калорийно и питательно.

Первый ярус — филе трески и бараньи ребрышки на гриле. Треска из глубоких вод, свежайший улов, а ягненка я лично выбирал и забивал.

Второй — японский карри с говядиной. Грудинка томилась в красном вине пять часов, тает во рту, вкус густой и насыщенный. В соусе ни грамма моркови, зато есть мед и кусочки яблок.

Третий — авокадо, запеченное с сыром и яйцом, салат из семги с куриной грудкой и молочный пудинг с карамелью. Пудинг я специально сделал в форме коровы, твоей любимой...

— Почему тебе так нравится кормить меня? — оборвал его излишняя Цзун Ванчуань.

Сяо Мин коснулся кончика носа и самодовольно улыбнулся:

— Бабушка учила меня: путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

— Ты — порождение Бездны, — напомнил Цзун Ванчуань, принимая контейнер. — Откуда у тебя взятась бабушке?

Он уселся прямо на капот спорткара и принялся за еду. Эстетика его не заботила — он ел жадно, почти яростно. Сяо Мин с наслаждением наблюдал за этой картиной.

— Ну что, стряпня той кухарки из семейки Кан была совсем паршивой?

— Съедобной. Но до твоего мастерства ей как до луны.

— Еще бы. Мои таланты подтверждены тремя звездами Мишлен. — Сяо Мин ловко пристроился рядом с Ванчуанем, приобнял его за плечо и прошептал прямо в ухо: — За столько лет твои вкусовые рецепторы привыкли только к моему искусству. Никто другой тебя не удовлетворит.

— Возможно.

Цзун Ванчуань, словно ураган, покончил с обедом и вытер рот салфеткой.

— Не знаю, водятся ли в доме Кана призраки на самом деле, — негромко произнес он, — но в тех стенах совершенно точно стоит невыносимое зловоние Бездны.

<http://bllate.org/book/17576/1709473>